

УДК 82

«ОБЩЕЖИТИЕ» В. ЗАЗУБРИНА КАК «НЕУДАВШИЙСЯ» РАССКАЗ (НА МАТЕРИАЛЕ КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК СОВРЕМЕННОК И ПАРТЦЕНЗУРЫ)¹

Е.Н. Проскурина (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Цель работы – анализ восприятия рассказа сибирского писателя В. Зазубрина «Общежитие» в критике 1920-х гг. К анализу привлекаются материалы из архивного фонда Государственного архива Новосибирской области, сибирской периодики 1920-х гг. и переписка Зазубрина с М. Горьким. После первой публикации в 1923 г. в журнале «Сибирские огни» рассказ был переиздан только один раз – в сборнике «Общежитие», выпущенном Новосибирским книжным издательством в 1990 г. Однако сравнительный анализ текста в данной публикации с публикацией 1923 г. показал, что в нем оказались существенные сокращения, касающиеся наиболее откровенных натуралистических описаний «коммунистического быта». Обращение к фондам Государственного архива Новосибирской области показало, что первая публикация «Общежития» вызвала резкую критику Главлита РСФСР, после чего была существенно усилена цензура всей местной литературы. В статье проанализирована поэтика рассказа в контексте тех претензий, которые выдвинуты автору. Показаны тематические сближения «Общежития» с произведениями Б. Пильняка, И. Бабеля, С. Малашкина и других авторов 1920-х гг., включавших в свои тексты эротические эпизоды. В конце 1920-х гг. они были расценены как «порнографические», а к 1930-м гг. литературная эротика входит в разряд запретных тем. Проведенный анализ критических отзывов на рассказ подвел к выводу, что именно публикация «Общежития» открыла роковую страницу в судьбе Зазубрина, трагически завершившейся в подвалах Лубянки в 1937 г., после чего его имя было забыто на десятилетия.

Ключевые слова: творчество В. Зазубрина, рассказ «Общежитие», архив ГАНО, поэтика сюжета, литературная критика 1920-х гг., эротика в литературе.

*Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру пасквилем, поэзию развертом,
Глас правды мятежом...*

А.С. Пушкин. Послание цензору

В соответствии с целью исследования в работе используются следующие *методы*: историко-литературный, литературно-критический, описательный, сравнительный.

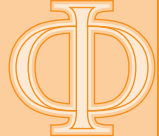
Постановка проблемы. Рассказ сибирского автора В. Зазубрина (настоящая фамилия Зубцов, 1894–1937) «Общежитие» был создан в 1923 г., в период наибольшей творческой продуктивности писателя. В 1920-е гг. он известен главным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 «“Паралипоменон” сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

образом как создатель романа «Два мира», написанного в 1921 г. и получившего высокий статус «первого советского романа», что широко ввело его имя в новую литературу: за первые годы после публикации «Два мира» претерпели порядка десяти переизданий. Еще одной «визитной карточкой» В. Зазубрина было его активное участие в собирании сибирских литературных сил, увенчавшееся созданием журнала «Сибирские огни», где в 1923 г. он опубликовал два своих рассказа: «Бледная правда» и «Общежитие». Однако именно публикация «Общежития» открыла роковую страницу в судьбе Зазубрина, трагически завершившейся в подвалах Лубянки в 1937 г., после чего его имя было забыто на десятилетия. Причины этого кроются в идеологической позиции писателя, противоречащей основным максимам эпохи, а также в поэтике его произведений, основные черты которой мы постараемся показать на примере рассказа «Общежитие».

Прежде чем перейти к анализу рассказа, отметим, что в литературном наследии Зазубрина и на сегодняшний день забытых произведений гораздо больше, чем известных. Современный читатель может его знать прежде всего как автора повести «Щепка», созданной в том же продуктивном 1923 г., но не увидевшей свет при жизни писателя. Первая публикация состоялась лишь в 1989 г. в «Сибирских огнях». В 1991 г. по повести Зазубрина режиссером А. Рогожкиным был снят фильм «Чекист». Причина отказа от публикации «Щепки» не только в сибирских, но и в столичных журналах заключена в выбранной автором теме: революционного террора, кровавых будней Сибчека [Подробно см.: Проскурина, 2002; Проскурина, 2018; Яранцев, 2012]. Несмотря на попытку дать вторую жизнь прозе Зазубрина, предпринятую сначала Н. Яновским во втором томе «Литературного наследия Сибири» (1972), а затем републикацией романа «Два мира» иркутским литературоведом и критиком В. Трушкиным в 1980 г. и новосибирским литературным деятелем А. Горшениным в 1988 г., а также подготовленным в 1990 г. Новосибирским книжным издательством корпуса не переиздававшихся после первой публикации произведений писателя, ни его имя, ни его творчество не получили широкой известности. Ждали своего времени и архивные материалы, относящиеся к творческой биографии Зазубрина. Большая работа в этом направлении проведена новосибирским исследователем В. Яранцевым, выпустившим в 2012 г. «повесть-исследование» «Зазубрин. Человек, который написал “Щепку”» (2012). Возбуждение читательского интереса провоцируется знаковым произведением писателя, включенным в название этой книги. Однако современное литературоведение лишь приступает к глубокому изучению «пропущенных» страниц наследия Зазубрина. Данная статья – первое исследование, специально посвященное самому скандальному его произведению, проводящееся с привлечением архивных свидетельств и опубликованных в печати 1920-х гг. критических отзывов.

Если повесть «Щепка» не была допущена к изданию, то рассказ «Общежитие» Зазубрина удалось опубликовать в своем детище – «Сибирских огнях». Однако почти сразу же после публикации на него последовала скандальная реакция

центральной, а вслед за ней местной цензуры. Показателен тот факт, что местные органы агитации и пропаганды оказались менее «бдительны», чем Главлит РСФСР, тщательно контролирующей уже в начале 1920-х гг. не только столичную, но и региональную периодику. «Просмотрев журнал “Сибирские огни” № 5–6 за 1923 г., Главлит обнаружил в нем места, указывающие на крайне поверхностное, невнимательное отношение бывшего Сиблита к разрешаемым произведениям», – так начинается «Письмо Главлита РСФСР в Сиббюро ЦК по поводу публикации в журнале “Сибирские огни” рассказа В. Зазубрина “Общежитие”» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 35. Л. 6). Предметом критики явились изображенные в рассказе неприглядные общежитские «картины быта коммунистов».

Действительно, основой сюжета произведения послужила характерная для периода 1920–1930-х гг. бытовая необустроенность, жилищная теснота, на фоне которой развиваются отношения между жильцами общежития – ответственными партработниками, с любовными конфликтами, кратковременными связями, в результате которых все персонажи оказываются зараженными венерическими заболеваниями. «...если революция несет с собой поголовное заражение венерическими болезнями, если общежития являются лишь рассадниками этих болезней, если ответственные коммунисты суть передаточные инстанции, а советский поп – Завзагсом – проститутка, то не является ли вопиющим злом сама идея коллективизации быта и весь советский строй? Такой вопрос напрашивается после прочтения этой пошлейшей пасквили» (Там же), – делают вывод авторы письма².

Тем же не понравился рассказ и М. Горькому, одному из самых высоких для Зазубрина литературных авторитетов. Ему на Капри переправлялась подшивка «Сибирских огней» начиная с 1922 г. – времени создания журнала. Переписка Горького с Зазубриным началась в 1928 г. Тогда же одно из писем он практически целиком посвятил «Общежитию». По причине малоизвестности приведем эту часть письма полностью:

«Дорогой Владимир Яковлевич!

“Общежитие”, на мой взгляд, вещь неудачная.

Вы взяли так называемую “вечную” тему и заключили ее в условия случайные, потому что ведь современная жилищная теснота – явление временное, нехарактерное; Тристан – Изольда, Тангейзер, Дон-Жуан, Ловелас, Вертер и прочие – страдали не от жилищной тесноты так же, как Ромео и Юлия. Это – одна Ваша ошибка. Она не была бы таковой, если б Вы “жилищную тесноту” расширили и углубили, показав ее как неизбежное условие структуры классового общества, но для этого Вам, конечно, пришлось бы взять другой материал. А с тем материалом, который Вы взяли, у читателя получается пессимистический и несправедливый вывод: при сов[етской] власти половая путаница осложнена жилищной теснотой и ведет к поголовному заражению сифилисом.

² Послушный ответ Сиббюро ЦК РКП(б) на письмо Главлита РСФСР последовал в следующем месяце, 7 апреля: «Агитпроп Сиббюро ЦК РКП(б) доводит до вашего сведения, что во избежание в будущем помещения в журнале “Сибирские огни” вредных по своей тенденции художественных произведений редакции журнала дано распоряжение все произведения, могущие вызвать споры в оценке их, предоставлять на предварительное заключение Агитпропу» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 35. Л. 5).

Иронический тон рассказа не кажется мне уместным и оправданным. Над чем тут иронизировать? И – с какой точки зрения допустима ирония? “Крейцеров-ва соната” и Шопенгауэр? Стоит ли нам, людям второй четверти XX в., отправляться к суждению о проблеме пола и буддизма? Затем: в описаниях Вы впадаете в злейший “золаизм” – рвота, сопля, пот, ночные горшки и т.д. Зачем это? Тот факт, что Шекспир, Толстой, Ленин посещали уборные, как все люди, вовсе не характерен для людей и еще менее характерен для “больших” людей. А ведь веков нужно рассматривать применительно к лучшим представителям рода, а не применительно к сопливым кретинам.

“Философические” суждения о “поле” и героев Ваших, и лично Ваши – впечатления не меняют.

Пишите Вы плохо и мало заботитесь о точности, ясности. И слишком много дано в рассказе *черного* (курсив авт. – Е.П.). Нет. Не понравился мне рассказ. Жалею об этом» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 263].

Однако в том, что Горькому из его итальянского далёка виделось как нехарактерное, случайное, имеющее сугубо классовый характер, Заzubрин выявил черты, оказавшиеся типичными именно для советского бытоустройства, с его жилищной теснотой, неизбывными коммуналками и общежитиями. Сибирский писатель одним из первых в советской литературе творчески откликнулся на проблемы, вскоре составившие особую литературную традицию изображения бездомного существования советских людей с такими вошедшими в нее именами, как М. Зощенко, М. Булгаков, А. Платонов, П. Романов, Б. Пастернак и др. После кампании «уплотнения», основанной на разрушении дома – родового гнезда, предметом мечтаний человека советской эпохи не случайно оказалось решение «квартирного вопроса», ставшего «проклятым вопросом» времени. В рассказе Заzubрина намек на эту разрушительную инициативу содержится в начале первой главы:

«Дом № 35

Он – голубой с мезонином. Стоит на углу Октябрьской и Коммунистической улиц. Ранее принадлежал вдове статского советника Обкладовой. Теперь – национализирован. Занят общежитием сотрудников Губисполкома.

От прежней хозяйки в доме остались – широкие деревянные кровати, кожаные кресла и диваны, кривоногие столы и тюлевые занавесочки на окнах... туи и олеандры на подоконниках и едва уловимый запах залежавшегося старого платя, нафталина, ладана.

Больше ничего.

Живут в доме новые люди – сотрудники Губисполкома...»³

Мимолетные отношения жильцов общежития не имеют ничего общего с той «вечной темой», которая возникает в начале письма Горького через имена Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Тангейзера, Вертера. Нет в них и интриги соблазнения, что также делает неубедительной проведенную Горьким парал-

³ Заzubрин В. Общежитие // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 72. Далее цитаты из рассказа приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

лель с Ловеласом и Дон-Жуаном. Зазубрин рисует бытовые картинки послерабочего досуга «ответственных парработников», для которых вступление в половые отношения не более чем способ избавления от скуки и удовлетворение физиологической потребности. Это характерный для начала 1920-х гг. разворот «вечной темы» в сторону теории «стакана воды», отрицавшей любовь и сводившей отношения между мужчиной и женщиной к удовлетворению сексуального влечения. Именно сюда и направлена авторская ирония, доходящая порой до сарказма.

Понять претензии Горького к поэтике «Общежития» как «грязному» письму можно, обратившись к первой публикации в «Сибирских огнях», где текст приведен полностью, без купюр. Именно к нему мы обращаемся при цитировании. В републикации 1990 г. составитель сборника «Общежитие» А. Горшенин «подчистил» текст, сделав в нем существенные купюры, убрав наиболее острые натуралистичные фрагменты, в результате чего поэтика стала более сглаженной. Однако такое «причесывание» зазубринского текста искажает авторскую манеру письма, характерную не только для «Общежития», но для всего раннего творчества писателя. В «Общежитии» в связи с заявленной темой она лишь приобрела бóльшую рельефность. «Грязным рассказом» назвал «Общежитие» и современник Зазубрина, сибирский прозаик Ф. Тихменев. Однако в его оценке нет той однозначности, которую отличает позиция М. Горького. «От первой части повести так резко и остро пахнет смрадом, пошлостью обнаженного мещанства, что кажется будто сами страницы книги в потеках грязной и липкой слюны. Их страшно перелистывать, хочется вымыть руки. С точки зрения достижений художественно-описательного эффекта, это, бесспорно, замечательнейшие страницы в нашей литературе» [Тихменев, 1928, с. 226]. Свое впечатление от «Общежития» Тихменев определяет словом «ошеломляющее». Таким же «ошеломляющим» оказался рассказ Зазубрина и для другого его современника – писателя Ник. Смирнова, в качестве особенностей авторского письма отметившего «ярчайшую изобразительность, четкую типизацию героев и, одновременно, пристрастие к сгущению красок в показе темных “страстей человеческих”» [Литературное наследие Сибири, 1972, с. 431]. Признак художественного бесстрашия как отличительной черты творческого поведения Зазубрина увидел в «Общежитии» его соратник по «Сибирским огням» В. Правдухин: «В. Зазубрин определенно талантлив. Правда... он портит многие страницы неумеренно обнаженным реализмом. В этом отношении он с какой-то трагической силой, крепким, броско отчетливым отчаянием подводит читателя вплотную к самым страшным картинам жизни» [Правдухин, 1924, с. 222]. Впечатлительность, резкость, горячность, неприятие людских пороков – черты характера Зазубрина, отразившиеся на поэтике его произведений. В «Общежитии» они проявились как на уровне поэтики персонажей, так и при изображении бытовой обстановки.

Выбранный Зазубриным способ письма близок сценарному, что особенно отчетливо дает о себе знать в первой главе, разделенной на подглавки: «Комната № 1», «Комната № 2» и т.д., содержащие описание общежитских жилищных условий и образа жизни самих обитателей голубого с мезонином дома № 35:

«Комната № 1.

Это мезонин.

Занимает ее советский поп-баба – завзагсом... Зинаида Иосифовна Спинек.

Зинаида Иосифовна Спинек лежит с Петром Петровичем Крутиковым. Постель широкая, матрац мягкий, пружинный, одеяло теплое... В комнате тепло, темно, тихо...» (с. 72);

«Комната № 2.

Внизу, первая направо от входной двери, против кухни.

Над столом светлая груша электрической лампочки... раскрытая книга Бухарина “Исторический материализм”... Но не Бухарин в голове лектора Губпартшколы товарища Русакова. Товарищ Русаков думает, что Анна Павловна Скурихина... его соседка по комнате и жена его начальника, – женщина необыкновенная. <...> Но товарища Русакова отделяет от Анны Павловны толстая перегородка и муж...» (с. 73);

«Комната № 3.

Рядом с комнатой товарища Русакова. Анна Павловна, голая, потная, с дрожащими коленями, со спутанными волосами, с телом ослабевшим, только что освободившимся из объятий мужа, разводит в большой стеклянной чашке квасцы. (Ей кто-то сказал, что если с квасцами, то детей не будет.)

Вениамин Иннокентьевич Скурихин – коммунист, завхоз Губпартшколы, человек дисциплинированный, аккуратный. Чистоплотный, много читавший по гигиене... стоит в одних тиковых полосатых кальсонах перед умывальником и тщательно намыливает руки...» (с. 73);

«Комната № 4.

В ней темно. Одеяло у Вишняковых, как и у Спинок, двуспальное, стеганое. Но не шелковое и очень старое. Подкладка у одеяла продралась, грязная вата лезет клочьями. От одеяла пахнет потом, застарелой постелью.

<...>

В черной щели между одеялом и простыней, в клочьях грязной ваты лежат два холодных тела – мужа и жены Вишняковых...» (с. 74);

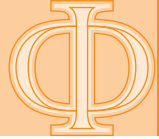
«Комната № 5.

Две, собственно. Но под одним номером. Живет в них доктор Лазарь Исаакович Зильберштейн с женой Бертой Людвиговной. Одна комната у доктора – спальня. Другая – кабинет и приемная.

В спальне две кровати. На одной спит Берта Людвиговна. Доктор сидит в кабинете.

Доктор уже несколько лет работает над половым вопросом...» (с. 75).

Работа доктора направлена на искусственное оплодотворение, не зависящее от «функций мужа и жены» (с. 78). В противном случае, по его мнению, «человечеству грозит всеобщее заражение сифилисом и, следовательно, вырождение» (с. 78). Этот вывод Зильберштейн делает на основе статистических данных, составленных из сводок и таблиц посещения его кабинета. В финале список вене-

рических больных пополняется именами жильцов дома № 35, в числе которых и жена доктора, разделявшая убеждения мужа, но имевшая тайного любовника из комнаты № 3 – Скурихина.

Рассказ Зазубрина встраивается в актуальную для 1920-х гг. «проблему пола», широко обсуждаемую в печати и нашедшую отражение в литературе. Здесь, с одной стороны, актуализировался вопрос о чистоте отношений между мужчиной и женщиной, не замутненной страстным зовом плоти, что стало одной из тем литературной утопии начала XX в. в ее богатом сюжетном разветвлении. На Зазубрина, вероятнее всего, повлияла концепция строительства коммунистического быта Л. Троцкого, который в книге «Литература и революция», опубликованной в 1923 г., в частности, писал: «Коммунистический быт будет... строиться сознательно, проверяться мыслью... Человек примется наконец всерьез гармонизировать себя самого. Он... захочет овладеть... процессами в своем организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной...» [Троцкий, 1990, с. 195]. Подобный утопизм иронически развенчан Зазубриным в сюжетной линии доктора Зильберштейна, наивно полагавшего, что беременность жены – результат его научного эксперимента по искусственному оплодотворению. С другой стороны, в эти же годы в литературных произведениях активизируется обратная тенденция: откровенное изображение половых отношений, что объясняется культурной ситуацией в стране, где тем же Л. Троцким были заложены начала «нового быта», поддержанные «письмом к трудящейся молодежи» А. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу!». Не случайно ее имя появляется в тексте рассказа. Свободой эротического письма отмечены в 1920-е гг. произведения Б. Пильняка («Метель», «Иван да Марья», 1922), С. Малашкина («Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь», 1927), И. Калининкова («Монахи и женщины», 1925–1927) и др. «Общежитие» Зазубрина оказалось в том же литературном ряду. Однако с середины 1920-х гг. и даже ранее, когда положение Троцкого как партийного лидера начинает расшатываться, нарастает острота дискуссии «о порнографической литературе», явившейся одним из приемов политической борьбы с «левыми оппозиционерами». К концу 1920-х гг. дискуссия завершилась полным запретом изображения эротики в литературе, выведя ее за пределы официально дозволенных тем [Подробно см.: Кочеткова, 2004].

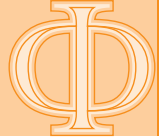
В этот же короткий период 1920-х гг. в русскую прозу входит тема венерических болезней, открытая в межреволюционное время повестью А. Куприна «Яма» (1915). Исследователь данной темы М. Яванович останавливает внимание на наиболее ярких образцах, таких как «Голый год» и «Иван Москва» Б. Пильняка, «конармейский» дневник 1920-го г. и отдельные произведения И. Бабеля этого периода, «Белая гвардия» М. Булгакова и «Тихий Дон» М. Шолохова. При этом автор отмечает, что во всех случаях данная тема не является ведущей в сюжете и сходит на нет в 1930-х гг. [Jovanovic]. Наиболее открыто она представлена

в произведениях, не предназначенных для печати, как, например, в «Венерологических поэмах» (1920-е) М. Касьянова [Касьянов, 2010] или «Санитарной оперетте» (1926) В. Гусева [подробно см.: Лошилов, 2010]. Можно заключить, что зазубринское «Общежитие» среди опубликованных произведений – единственное в своем роде, поскольку в нем венерическая тема охватывает весь сюжет и всех персонажей. Эта особенность рассказа была отмечена в критическом отзыве «напостовца» Г. Лелевича, написанном в резко обличительной тональности 27 марта 1924 г., т.е. ровно через неделю после «Письма Главлита РСФСР в Сиббюро ЦК», датированного 19 марта 1924 г.: «У нас не было еще такого *позорного, отвратительного, слюнявого пасквиля на революцию* (курсив автора. – Е.П.), на коммунистическую партию. Этот сифилитический бред человека, который ухитрился превратить местную организацию РКП в какой-то сплошной дом терпимости, оставил далеко позади такие перлы клеветы, как “Навьи чары” Сологуба, “Иван да Марья” Пильняка, “Морская болезнь” Куприна и мн. др. У читателя, по прочтении этого грязного рассказа, остается кошмарное впечатление, будто революция, будто партия сгнили на корню, и надо бежать от этого убежища проклятых. Говорят, что наша цензура иногда слишком придирчива и порой действует довольно головотяпски по отношению к художественным произведениям. Может быть, это и так, но на этот раз она сделала большое упущение, не задержав возмутительного рассказа Зазубрина» [Лелевич, 1924, с. 40–41].

Однако рассказ Зазубрина по своему пафосу не подпадает под определение «пасквиль», как назван он в книге Лелевича и в письме Главлита РСФСР. Основными характеристиками пасквиля являются оскорбление, клевета, навет. Позиция же автора «Общежития» не противопоставлена советской идеологии, в чем он не раз признается в своих письмах. Например, в письме Ф. Березовскому от 27 марта 1923 г. горячо пишет: «Я правда изматерил Вас из душеньки в душеньку, когда узнал, что Вы изволили сказать, что я писатель не Ваш, т.е. не советский» [Проскурина, 1994, с. 63]. Мнение Березовского относится, вероятнее всего, к повести «Щепка», которая в это время широко обсуждалась в московских литературных кругах. Рассказ «Общежитие» был опубликован в летнем 5–6 номере «Сибирских огней», т.е. позже, чем велась переписка Зазубрина и Березовского. В том же письме Зазубрин убеждает адресата, что «Щепку» замысливал как произведение революционное, полезное революции. «Если не вышло, так не от злого умысла» [Там же]. То же можно сказать и о рассказе «Общежитие», где, кроме «картин быта коммунистов», представленных приемами монтажной техники, есть лирические страницы – это переписка центральных героев: Зинаиды Спиринек и Виктора Вишнякова, в которой сквозит охватившее обоих истинное чувство, жажда чистых отношений, полноты семейного счастья:

«Я пишу Вам... Разве любовь может быть без писем?»

За окном снег. <...> Зима. Зима всегда – белое слепящее веселье, бодрящая сила. <...> Нет еще подлинной слепящей зимней радости в наших отношениях. (Зимнее – верное, крепкое. Ясное.) Дни наших встреч – снежинки. Чистые,

белые снежинки еще падают на серое, чужое, еще мешаются с серым дымом прошлого. Но неотвратим, белокрепок лёт снега времени. Еще немного, и белый снег завалит, забелит, засеребрит все осеннее, прошлое... Я вижу эти дни – зимние, верные, крепкие, ясные. Ты в сумерках будешь лежать и слушать монотонное ворчание огня в железной кривоногой печке. Ты будешь ждать меня, большая, сильная, ласковая.

Я буду приходить вечером. Мы закроем двери. Красная ласково-теплая печка будет беззлобно ворчать у нас в ногах. В окна мы увидим звездное небо и снежные сине-белые сверкающие просторы полей.

Белы, крепки, чисты будут наши тела и горячи, как снег...» (с. 88–89).

Образ Спинек сопровождает мотив Травиаты, являющийся не только символом падшести, но и победы настоящей любви над кратковременными увлечениями. Однако прошлое с его беспорядочными связями настигает героев, не давая сбыться их чистым мечтам: оба они оказываются зараженными сифилисом. Начиная рассказ в сатирическом ключе, автор к финалу усиливает драматическую ноту, усложняя тем самым и образы главных персонажей, и семантику сюжета. Именно сюжетная линия Спинек и Вишнякова добавляет произведению новые краски, показывая на бытовом материале владение Зазубриным разными техниками письма⁴.

Отрицающий пафос «Общежития» направлен на реалии постреволюционной действительности, в чем идеологически соответствовал концепции «нового быта» Л. Троцкого, в основе которой – идея созидания новой, коммунистической семьи, освобожденной от бытовых забот, передаваемых государству, и вытекающих отсюда равноправных отношений между мужчиной и женщиной. Кажется бы, именно в этой связи возникают в цитированном нами письме Горького имена Толстого как автора «Крейцеровой сонаты», с ее критикой традиционных норм семьи и брака, и Шопенгауэра, утверждавшего в «Метафизике половой любви» идею о том, что «всякая влюбленность, каким бы эфирным созданием она ни представала, коренится всецело в половом влечении, да и сама она есть лишь точнее определенное половое влечение» [Шопенгауэр, 1994, с. 65]. Однако, развивая свою мысль, Шопенгауэр провозглашает половое влечение как проявление «воли к жизни», причем воли к жизни «нового индивида, которого... могут и желают произвести на свет» двое любящих [Там же, с. 69]. Именно в таком, шопенгауэровском ключе развиваются отношения между Вишняковым и Спинек, радующейся возможности завести ребенка от любимого мужчины. Однако в письме Горький связывает имена Толстого и Шопенгауэра исключительно с иронической модальностью «суждений о проблеме пола», словно не замечая, что за внешне жесткими изображениями бытовых картин и свободы половых связей скрывается авторская надежда на иные взаимоотношения и иной быт.

В предисловии к сборнику «Общежитие» А. Горшенин отметил, что, рисуя изыяны советского быта, Зазубрин поднимает в рассказе проблему цельности

⁴ О разных техниках письма в романе Зазубрина «Два мира» см.: [Проскурина, 2018].

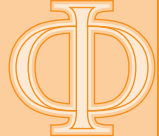
личности коммуниста, его нравственного реноме [Горшенин, 1990, с. 22]. Основанием к такому заключению служат фрагменты текста, где акцентируется социальная роль каждого персонажа:

«Живущие в общежитии и уходящие из него на день днем делают большое нужное дело. <...> Скурихин, Вишняков, Русаков, Спинек, доктор Зильберштейн днем несомненно нужные люди. А ночью? Разве доктор Зильберштейн откажется идти на другой конец города к больному? И разве коммунисты Скурихин, Вишняков, Русаков не схватят винтовки и не прибегут на площадь по первой партийной тревоге? Или Спинек откажется от дежурства в Губисполкоме? <...> Все пойдут, когда вызовут.

Но если никуда не вызывают и за окнами с шелестом черных мокрых юбок шлепает по грязи темная ночь. Если двuspальные стеганые одеяла грязны и в комнатах пахнет нафталином, старым залежалым грязным бельем и лампадным маслом. Тогда – каждый делает, что хочет и как хочет» (с. 84).

Авторская презентация героев как нужных стране людей, встраивание в текст лирических признаний и раздумий, отраженных в письмах героев (кроме Вишнякова и Спинек, это переписка Феди Русакова и Анны Павловны Скурихиной), расшатывают жанровую однородность рассказа как сатиры на советский быт. Это, однако, не было замечено не только ярим «напостовцем» Лелевичем и членами Главлита, но и М. Горьким, а также сибирскими литераторами и критиками, устроившими в январе 1924 г. обсуждение «Общежития» на заседании кружка литераторов при Коммунистическом клубе. Некто Н-ой, представивший ход заседания кружка (которым, кстати сказать, руководил сам Зазубрин) на страницах газеты «Советская Сибирь», отметил, что на нем выступили все собравшиеся семнадцать человек. По отношению к рассказу они разбились на группы с различным подходом и оценкой.

Ярые критики выразили свое мнение в предельно резкой форме: «Повесть в целом злостная карикатура на советский быт» (Кохи) [Н-ой, 1924]; «Зазубрин торжествует вместе с доктором Зильберштейном, что в городе тысячи сифилитиков» (Каплан) [Там же]; «Повесть написана пороногафически и сладострастно» (Попов) [Там же]. Отметим, что к отрицательной стороне «Общежития» этот критик относит зов автора «к старому, реакционному быту, к укреплению семьи и брака» [Там же], распознав-таки главный пафос рассказа, но увидев в нем возврат к изжившему себя прошлому. Другая группа, тесно связанная с журналом «Сибирские огни» (В. Тумаркин, В. Вегман, В. Итин), оказалась самой лояльной по отношению к рассказу, утверждая, что для ломки старого быта необходимо его знать, разоблачать его пережитки. В. Итин рассмотрел в Зазубрине продолжателя того резкого сатирического направления в искусстве, склонного к «окошмариванию сюжета», которое представлено в творчестве испанского художника Франсиско Гойи. Причем если критически настроенные участники заседания увидели в «Общежитии» защиту «семьи и брака», то защитники Зазубрина, наоборот, «удар семье, косному опошленному быту» [Там же]. В третьей группе писателя обви-

нили в клеветничестве «на коммунистическую верхушку губернского города», в неумении «создать образ положительного коммуниста» [Там же]. Защитное слово Зазубрина имело оправдательный характер, в котором звучала нота недоумения: «В заключительном слове Зазубрин сказал, что он очень удивлен обвинениями в сифилизации партии на 100 проц. Зазубрин напомнил, что в его повести больны только два коммуниста⁵, что, основываясь на работе докторов Гельфмана и Залкинда, он имел право говорить, что среди коммунистов есть и больные, и люди неправильно оценивающие роль половых отношений в комплексе физиологических отправления организма. Зазубрин говорил, что его главной задачей было – ударить по опошленному быту и сказать, что наше отношение к женщине грубо варварское, хищническое» [Там же].

Дискуссии подобного идеологически обличительного характера проходили и в других городах Сибири, например в Иркутске [см.: Власть труда, 1924]. В итоге восторжествовала оценка произведения как ущербного и политически вредного. Выдвигаемые автору обвинения, как правило, сводились к чисто политическим мотивам «антисоветчины» и «антикоммунизма».

В качестве своего непрямого оправдания Зазубрин публикует в «Сибирских огнях» за 1925 г. (№ 1) статью профессора Н.Н. Топоркова «Сифилис», в которой подробно, с медицинским обоснованием изложена угроза «сифилизации» не только населения советской страны, но человечества в целом. Основной причиной выдвигается «империалистическая и следующая за ней гражданская война» [Топорков, 1925, с. 197], под которой автор понимает «революцию в целом» [Там же, с. 198], когда «миллионы мужей были оторваны от своих жен», а «миллионы жен остались без мужей» [Там же, с. 197]. Ранее, в 1920 г. «страшная правда» о сифилисе запечатлена в «конармейском дневнике» И. Бабеля (запись от 28 июля): «Страшная правда – все солдаты больны сифилисом. У Матяж, выздоравливает (почти не лечась). У него был сифилис, вылечил за две недели, он с кумом заплатил бы в Ставрополе 10 коп. серебром, кум умер, у Миши есть много раз, у Сенечки, у Гераси сифилис, и все ходят к бабам, а дома невесты. Солдатская язва. Российская язва – страшно. Едят толченый хрусталь, пьют не то карболку, размолоченное стекло. Все бойцы – бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис. Галиция заражена сплошь» [Бабель, 2005, с. 267]. Таким образом, тревога зазубринского доктора Зильберштейна, как и пафос самого рассказа, предстают исторически оправданными. О том, что советская медицина 1920-х гг. начала уделять проблеме люеса активное внимание, свидетельствуют и приведенные Н. Топорковым научные работы, а также тот факт, что в 1923 г. состоялся Первый всесоюзный съезд по венерическим болезням, на «Труды» которого ссылается ученый. Завершение статьи Топоркова звучит уже прямым оправданием «Общежития» и призывом к освещению темы венерических заболеваний в художественных произведениях:

⁵ В попытке оправдаться Зазубрин словно забывает о том, что в своем произведении «заразил» сифилисом всех своих героев. Вот отчаянное признание Вишнякова Скурихину: «Вы были близки со Спинек, и я был с нею близок. У Спинек сифилис, у меня сифилис, у моей жены сифилис. У вас и у вашей жены, и у Паши, и у Берты Людвиговны тоже сифилис. Может быть, и у наших детей...» (95).

«Санпросветные лекции на эту тему, брошюры и проч. скучны. Беллетристика волнуется, захватывает, будоражит общественное мнение. Общая пресса, в особенности беллетристика, должна уделять часть своего внимания тому, что Байрон назвал “недугом благородным”» [Топорков, 1925, с. 204].

Однако шлейф критического восприятия «Общежития» тянулся десятилетиями. Даже после посмертной реабилитации Зазубрина попытки переиздания рассказа долгое время заканчивались неудачей. Свидетельство тому – горькие сетования известного сибирского критика Н. Яновского (1914–1990) о том, как мешала его попыткам переиздать рассказ советская цензура: «В 1971 году я сформировал том, целиком посвященный В. Зазубрину. В него должны были войти (и входили) повесть “Щепка”, рассказы “Бледная правда”, “Общежитие” и другие его художественные, публицистические, литературно-критические произведения. Предваряла эту публикацию моя статья “Несобранные произведения В. Зазубрина”. А сначала она была опубликована в журнале “Сибирские огни” в 1971 г., № 8. С этого времени и началась беспощадная критика и статьи, и второго тома “Литературного наследия Сибири”... Вопрос был вынесен даже на бюро обкома, на котором моя статья с помощью некоторых наших писателей Новосибирска была осуждена и вынесена рекомендация об освобождении меня от занимаемой должности заместителя главного редактора журнала “Сибирские огни”. В 1972 году второй, “зазубринский” том “Литературное наследие Сибири” вышел в изуродованном виде. В нем уже не было ни повести “Щепка”, ни других ценных материалов, ни биографических, ни творческих» (ГАНУ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 182. Л. 1).

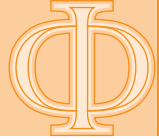
Заключение. Таким образом, несмотря на свое искреннее желание вписаться в русло советской литературы, Зазубрин зачастую оказывался в идеологическом противостоянии основным максимам своей эпохи. Не соответствовала чистоте художественного соцреалистического письма и поэтика произведений писателя начала 1920-х гг., что особенно отчетливо показала критическая оценка рассказа «Общежитие», проведенная на разных уровнях: от центральной цензуры до местных заседаний литературных кружков. Даже состоявшаяся в период «гласности и перестройки» публикация произведения оказалась неполной. В итоге «Общежитие» Зазубрина до настоящего времени можно отнести к корпусу «пропущенных» страниц отечественной литературы XX в.

Список сокращений

1. ГАНУ – Государственный архив Новосибирской области.

Библиографический список

1. Бабель И. Дневник 1920 года // Бабель И. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Время, 2005. Т. 2. С. 222–334.
2. Власть труда. 1924. 13 апр.
3. Горшенин А. Неезженными дорогами // Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 5–32.

4. Зазубрин В. Общежитие // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 72–97.
5. Касьянов М.И. Венерологические поэмы / подгот. текста, предисл., коммент. И. Лощилова. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010. 86 с.
6. Кочеткова Н.Е. Дискуссия о «порнографической литературе» в журналистике 1920-х годов: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2004.
7. Лелевич Г. На литературном посту (статьи и заметки). Парт-издательство «Октябрь», 1924. 170 с.
8. Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972. Т. 2. 444 с.
9. Лошилов И.Е. «Саратовский эпизод» биографии Михаила Касьянова (1927–1932) и его отражение в стихах и прозе // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. / под ред. И.Ю. Иванюшиной и И.А. Тарасовой. Саратов, 2010. С. 314–323.
10. Н-ой. Литературный кружок // Советская Сибирь. 1924. 15 янв.
11. Правдухин В. Художественная литература за семь лет (проза 1918–1924 гг.) // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 219–233.
12. Проскурина Е.Н. Конфликт двух миров в творческой судьбе В.Я. Зазубрина // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2002. С. 159–174.
13. Проскурина Е.Н. Неопубликованные письма В.Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
14. Проскурина Е.Н. Перипетии поэтики В. Зазубрина в зеркале литературной судьбы (на материале романа «Два мира» и повести «Щепка») // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 1 (в печати).
15. Тихменев В. О литературный «зазубринках» В. Зазубрина // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 212–227.
16. Топорков Н.Н. Сифилис // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 196–204.
17. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1990. 448 с.
18. Шопенгауэр. Метафизика половой любви // Трактаты о любви. М.: ИФ РАН, 1994. С. 40–65.
19. Яранцев В. Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2012. 750 с.
20. Jovanović M. «Проклятые» и «святые», или о героях русской прозы 10–30-х годов, страдающих венерическими заболеваниями // Studia litteraria Polono-Slavica 6: Choroba, lek i zdroiwie / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Institut Slawistyki PAN. S. 323–333.

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); e-mail: proskurina_ elena@mail.ru

“DORMITORY” BY V. ZAZUBRIN AS A “FAILED” STORY (ON THE BASIS OF CRITICAL ASSESSMENTS BY CONTEMPORARIES AND PARTY CENSORSHIP)

E.N. Proskurina (Novosibirsk, Russian Federation)

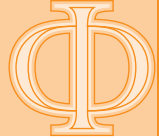
Abstract

The target of this work is to analyze the perception of the story of the Siberian writer V. Zazubrin “Dormitory” in the critics of the 1920s. The analysis involves archival materials from the State Archives of the Novosibirsk Region, the Siberian periodicals and Zazubrin’s correspondence with M. Gorky. After the first publication in 1923 in the magazine “Siberian Lights” the story was reissued only once – in the collection “Dormitory”, published by the Novosibirsk book publishing house in 1990. However, a comparative analysis of the text in this publication with the publication of 1923 showed that it contained significant reductions concerning the most outspoken naturalistic descriptions of the “communist way of life”. Using the funds of the State Archives of the Novosibirsk Region showed that the first publication of the “Dormitory” caused a sharp criticism by the Glavlit of the RSFSR, after which censorship of local literature was significantly strengthened. The article analyzes the poetics of the story in the context of those claims that were put forward to the author. The thematic convergences of the “Dormitory” with the works by B. Pilnyak, I. Babel, S. Malashkin and other authors of the 1920s are shown, which included erotic episodes in their texts. In the late 1920s, they were regarded as “pornographic”, and by the 1930s literary erotica is included in the category of forbidden topics. Analysis of critical reviews of the story led to the conclusion that it was the publication of the “Dormitory” that opened the fatal page in the fate of Zazubrin whose life tragically ended in the cellars of the Lubyanka in 1937, after which his name was forgotten for decades.

Keywords: *V. Zazubrin’s creative work, the story “Dormitory”, the State Archives of the Novosibirsk Region, poetics of the plot, literary criticism of the 1920s, eroticism in literature.*

Bibliograficheskij spisok

1. Babel’ I. Dnevnik 1920 goda [Diary of 1920] // Babel’ I. Sobranie sochinenij: [Collected works]. In 4 vol. Vol. 2. M.: Vremya, 2005. S. 222–334.
2. Vlast’ truda [The power of labor]. 1924. 13 April.
3. Gorshenin A. Neyezzhenymi dorogami [Unsolved roads] // Zazubrin V. Obshchezhitie [Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1990. S. 5–32.
4. Zazubrin V. Obshchezhitie [Dormitory] // Sibirskiy ogni [Siberian lights]. 1923. № 5–6. S. 72–97.
5. Kas’yanov M.I. Venerologicheskie pojemy [Venereal poems] / podgot. teksta, predisl., komment. I. Loshhilova. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010. 86 s.
6. Kochetkova N.Ye. Diskussiya o “pornograficheskoy literature” v zhurnalistike 1920-kh godov [Discussion about “pornographic literature” in journalism of the 1920s]. Abstract of Philol. Cand. Diss. M., 2004.
7. Lelevich G. Na literaturnom postu (stat’i i zametki) [On the literary post (articles and notes)]. Part-publisher “October”, 1924. 170 s.
8. Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1972. Vol. 2. 444 s.
9. Loshchilov I.E. “Saratovskiy epizod” biografii Mikhaila Kas’yanova (1927–1932) i yego otrazheniye v stikhakh i proze [“Saratov episode” of the biography of Mikhail Kasyanov (1927–1932) and his reflection in poetry and prose]. NEP v istorii kul’tury: ot tsentra k periferii: sb. statey / pod red. I. YU. Ivanyushinoy i I.A. Tarasovoy [NEP in the history of culture: from center to periphery: Sat. articles / ed. I. Yu. Ivanyushina and I. A. Tarasova]. Saratov, 2010. S. 314–323.

10. N-oj. Literaturnyj kruzhok [Literary circle] // Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia]. 1924. Jan. 15.
11. Pravduhin V. Hudozhestvennaya literatura za sem' let (proza 1918–1924 gg.) [Fiction for seven years (prose 1918–1924)] // Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1924. № 5. S. 219–233.
12. Proskurina E.N. Konflikt dvuh mirov v tvorcheskoy sud'be V. Ja. Zazubrina [The conflict between two worlds in the artistic destiny of V. Ja. Zazubrin] // Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika. Pamjati Ju. S. Postnova [Siberia. Literature. Criticism. Journalism. In memory of Yu. S. Postnov]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2002. S. 159–174.
13. Proskurina E.N. Neopublikovannyye pis'ma V. Ja. Zazubrina [Unpublished letters of V.Ya. Zazubrin] // Gumanitarnyye nauki v Sibiri [Humanitarian sciences in Siberia]. 1994. № 4. S. 61–67.
14. Proskurina E.N. Peripetii poetiki V. Zazubrina v zerkale literaturnoy sudby (na materiale romana “Dva mira” i povesti “Shchepka”) [Peripetia of poetics by V. Zazubrin in the mirror of literary destiny (on the novel “Two worlds” and the story “Sliver”)]. Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2018. No 1. (В печати (in publication)).
15. Tikhmenev V. O literaturnyh “zazubrinkah” V. Zazubrina [About the literary “zazubrinkah” V. Zazubrin]. Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1928. № 2. S. 212–227.
16. Toporkov N.N. Syphilis. Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1925. № 1. S. 196–204.
17. Trotsky L. Literatura i revolyutsiya [Literature and Revolution]. Moscow: Politizdat, 1990. 448 p.
18. Schopenhauer. A. Metafizika polovoy lyubvi [Metaphysics of sexual love]. Traktaty o lyubvi [Treatises about love]. M.: IF RAN, 1994. S. 40–65.
19. Jarancev V. Zazubrin. Chelovek, kotoryj napisal “Shchepku” [Zazubrin. The person who wrote the “Sliver”]. Novosibirsk, 2012. 752 s.
20. Jovanovic M. “Proklyatyie” i “svyatyie”, ili o geroyakh russkoy prozy 10-30-kh godov, stradayushchikh venericheskimi zabolevaniyami [“Damned” and “saints”, or heroes of Russian prose of the 10–30-ies, suffering from venereal diseases] // Studia litteraria Polono-Slavica 6: Choroba, lek i zdroiwie / red.: R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Institut Slawistyki PAN. S. 323–333.

About the author

Proskurina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); e-mail: motive@philology.nsc.ru